

ISSN 2542-2332

2019 №2 (19)

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2019

Издание основано в 2007 г.

Главный редактор:

П. К. Дашковский, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционная коллегия:

С. А. Васютин, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. П. Забияко, доктор философских наук (Россия, Благовещенск)

А. А. Тишкин, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Н. А. Томилов, доктор исторических наук (Россия, Омск)

Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук (Россия, Санкт-Петербург)

О. М. Хомушку, доктор философских наук (Россия, Кызыл)

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук (Россия, Томск)

Е. А. Шершнева (отв. секретарь), кандидат исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет журнала:

Л. Н. Ермоленко, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Ю. А. Лысенко, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Л. С. Марсадалов, доктор культурологии (Россия, Санкт-Петербург)

Г. Г. Пиков, доктор исторических наук, доктор культурологии (Россия, Новосибирск)

А. К. Погасий, доктор философских наук (Россия, Казань)

К. А. Руденко, доктор исторических наук (Россия, Казань)

С. А. Яценко, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. С. Жанбасинова, доктор исторических наук (Казахстан, Усть-Каменогорск)

Н. И. Осмонова, доктор философских наук (Кыргызстан, Бишкек)

Н. Цэдэв, кандидат педагогических наук (Монголия, Улан-Батор)

Ц. Степанов, доктор исторических наук (Болгария, София)

З. С. Самашев, доктор исторических наук (Казахстан, Астаны).

Журнал утвержден научно-техническим советом

Алтайского государственного университета и зарегистрирован Комитетом РФ

по печати. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77–69787 от 18.05.2017 г.

Все права защищены. Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Журнал подготовлен при поддержке РНФ «Религия и власть: исторический опыт государственного регулирования деятельности религиозных общин в Западной Сибири и сопредельных районах Казахстана в XIX–XX вв.» (проект № 19-18-00023).

ISSN 2542-2332

2019 №2 (19)

NATIONS AND RELIGIONS OF THE EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2019

The journal was founded in 2007

Executive editor:

P.K. Dashkovskiy (doctor of historical sciences)

The editorial Board:

S. A. Vasutin, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

N. L. Zhukovskay, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

A. P. Zabayako, doctor of philosophical sciences (Russia, Blagoveshchensk)

A. A. Tishkin, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

N. A. Tomilov, doctor of historical sciences (Russia, Omsk)

T. D. Skrynnikova, doctor of historical sciences (Russia, Saint-Petersburg)

O. M. Homushku, doctor of philosophy (Russia, Kyzyl)

L. I. Sherstova, doctor of historical sciences (Russia, Tomsk)

E. A. Shershneva (resp. secretary), candidate of historical sciences (Russia, Barnaul)

The journal editorial Board:

L. N. Yarmolenko, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

U. A. Lusenko, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

L. S. Marsadolov, doctor of Culturology (Russia, St. Petersburg)

G. G. Pikov, doctor of historical sciences, doctor of cultural studies (Russia, Novosibirsk)

A. K. Pogassiy, doctor of philosophical sciences (Russia, Kazan)

K. A. Rudenko, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)

S. A. Yatsenko, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

A. S. Zhanbosynov, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk)

N. I. Osmonova, candidate of philosophical sciences (Kyrgyzstan, Bishkek)

N. Cedeu, candidate of pedagogical sciences (Mongolia, Ulaanbaatar)

Ts. Stepanov, doctor of historical sciences (Bolgariy, Sofiy)

Z. S. Samashev, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Astana)

Approved for publication by the Joint Scientific and Technical Council of Altai State University.

All rights reserved. No publication in whole or in part may be reproduced without the written permission of the authors or the publisher. Registered with the RF Committee on Printing.

Registration certificate PI № ФС 77-69787. Registration date 18.05.2017.

The journal was prepared with the support of the RPF project “Religion and power: historical experience of state regulation of religious communities in Western Siberia and neighboring regions of Kazakhstan in the XIX–XX centuries” (project № 19-18-00023).

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Байпаков К. М., Акылбек С. Ш., Терновая Г. А.</i> К вопросу о религиозной жизни города Кулан в VIII–IX вв. (по материалам исследований цитадели в 2017 г.)	9
<i>Пиков Г. Г.</i> Роль киданьской элиты в истории государства Си Ляо (Западное Ляо)	36
<i>Сериков Ю. Б.</i> К вопросу о проблемах датирования пещерной и наскальной живописи	46
<i>Смагулов Е. А.</i> О сакральном значении керамических атрибутов алтарей в жилищах Присырдарьи	61

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Васечко В. Ю.</i> Этноконфессионализм иерократа и универсализм «ученого профана»: к характеристике эпистемологического дискурса в политарном обществе	75
<i>Ярков А. П.</i> «А куда их деть?»: о нравственно-правовых коллизиях в умме Сибири	90

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Беликов С. В., Дворянчикова Н. С., Шершинева Е. А.</i> Деятельность комиссий по контролю за выполнением законодательства о культурах в Западной Сибири во второй половине 1960-х — начале 1980-х гг.	100
<i>Кацаева М. В., Пирогова О. В.</i> Религиозные ориентации студенческой молодежи провинциального центра (на примере Барнаула): от теории к практике	112
<i>Худяков Ю. С.</i> Сведения о распространении мировых прозелитарных религий и традиционных верований и погребальных обрядов среди енисейских кыргызов и кыштымов в периоды раннего и развитого Средневековья	127

Раздел IV

ПЕРСОНАЛИИ

<i>Дашковский П. К., Савельева Т. В.</i> Карл Молдахметович Байпаков — выдающийся ученый и организатор науки Казахстана	144
---	-----

Раздел V

РЕЦЕНЗИИ НА КНИГИ

Сулейманов Р.Р. Рецензия на книгу В. Н. Рогатина «Гонения на православие на Украине в 2014–2016 гг.» 168

Раздел VI

ИНФОРМАЦИЯ О КОНФЕРЕНЦИЯХ

Дашковский П. К. Итоги работы IV Конгресса российских исследователей религии 173

ДЛЯ АВТОРОВ..... 181

CONTENT

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

- Baipakov K. M., Akylbek S. S., Ternovaya G. A.* To the question of religious life of Kulan medieval town in VIII–IX c. (based on materials of research of citadel in 2017) 9
- Pikov G. G.* The role of the Chitan elite in the history of the state of the Hsi Liao (Western Liao) 36
- Serikov Y. B.* For the question of dating cave and rock painting.....46
- Smagulov E. A.* Concerning the sacred meaning of ceramic artifacts from the clay altars in the dwellings of the land along the Syr-Darya river 61

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

- Vasechko V. Y.* Hierocrat's ethnoconfessionalism and “academic profane's” universalism: characterization of epistemological discourse in politary society.....75
- Yarkov A. P.* “But where to put them?”: the moral and legal conflicts in the ummah of Siberia.....90

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

- Belikov S. V., Dvoryanchikova N. S., Shershneva E. A.* The activity of the commissions for control over execution of the legislation on cults in Western Siberia in the second half of the 1960s — early 1980s. 100
- Kashchayeva M. V., Pirogova O. V.* Religious orientations of student's youth of provincial capital (the city of Barnaul as an example): from theory to practice.....112
- Hudyakov Yu. S.* Data about dissemination of the world's proselytizing regions and traditional beliefs and funerary rites among the yenisei kyrgyz and kyshtym during periods of the early and high middle ages 127

Section IV

INFORMATION ABOUT CONFERENCES

PERSONALITIES

- Dashkovskiy P. K., Saveljeva T. V.* Baipakov Karl Moldahmetovich — an outstanding scientist and organizer of science of Kazakhstan.....144

Section V

BOOK REVIEWS

- Suleymanov R. R.* Review of the book by V. N. Rogatin “Persecution of Orthodoxy in Ukraine in 2014–2016” 168

Section VI

INFORMATION ABOUT CONFERENCES

Dashkovskiy P. K. The results of the work of the IV Congress of Russian Scholars
of Religion 173

INFORMATION FOR THE AUTHORS 181

УДК 94 (47)

DOI: 10.14258/nreur(2019)2–06

А. П. Ярко

Тюменский государственный университет, Тюмень (Россия)

«А КУДА ИХ ДЕТЬ?»: О НРАВСТВЕННО-ПРАВОВЫХ КОЛЛИЗИЯХ В УММЕ СИБИРИ

Целью статьи является изучение трансформации нравственно-правовых отношений среди мусульман в XVII–XX вв. Хотя со времен «Великой Ясы» Чингизхана и до вхождения Сибири в состав России многие правовые нормы уже носили здесь относительный характер, определяя поле «возможного», «допустимого», «запрещённого». И это касалось не только вопросов религии: право владения землей и мифотворчество сибиряков не имели сходства с ближневосточной моделью. Однако сообщество нуждалось в организованной жизни. Функцию регулятора исполнял ислам, но даже во время Сибирского ханства он не стал государственной религией. Не осуществлялось здесь и судопроизводства только по шариату.

Даже в более поздний период знания по правовой культуре, полученные в мектебе и медресе (а также индивидуально), различали предписанное и «отложенное» (из-за обстоятельств). В целом правовая культура сибирских мусульман должна была быть адаптирована к имперскому и советскому законодательству. Создание синтеза норм (адат, шариат, светские законы) не всегда обеспечивало контроль над судопроизводством на местах. Была и попытка объявить «дикими обычаями» кросскузенные и ортокузенные браки.

Ключевые слова: Сибирь, XVII–XX вв., ислам, адат, шариат, светское законодательство и нравственность.

A. P. Yarkov

Tyumen State University, Tyumen (Russia)

“BUT WHERE TO PUT THEM?”: THE MORAL AND LEGAL CONFLICTS IN THE UMMAH OF SIBERIA

The aim of this paper is to study the transformation of moral-legal relations among muslims in the XVII-XX-th centuries. Although since the “Great Yasa” of Genghiskhan and to occurrence of Siberia in Russia many legal rules already worn here relative character, defining the field “possible”, “valid”, “forbidden”. And it concerned not only issues of land ownership

and institut mifotvorchestve siberians had no resemblance to Middle Eastern model: pastures and fisheries belonged to the genus, regarded as common property.

On the other hand, the community lacked an organized life. The function of the regulator served Islam, but even in the period of the Siberian khanate, he did not become the State religion, and have not been here the proceedings only on shariat.

Even in the later period of knowledge on legal culture obtained in mektebe and medrese (as well as individually) distinguished prescribed and “deferred” (due to circumstances). In General, the legal culture of Siberian Muslims had to be adapted to the Imperial and Soviet law. Creating a synthesis of standards (adat, shariat, secular laws) are not always ensured the control of proceedings in the field. There was also an attempt to declare a “wild krosskuzennye” Customs and ortokuzennye marriage.

Key words: Siberia, the XVII-XX-th centuries, islam, adat, shariat and secular laws and morals.

Ярков Александр Павлович, доктор исторических наук, ведущий эксперт Экспертного научного центра по противодействию идеологии экстремизма и терроризма Тюменского государственного университета, Тюмень (Россия). Адрес для контактов: ayarkov@rambler.ru

---

Вопросом «А куда их деть?» на вопрос ответил председатель сельсовета юрт Вершинских Вагайского района Уральской области (и единственный в селении коммунист) Айтбаев в 1923 г., когда партийная комиссия выявила у него две жены, оставшиеся с «микулаевских времён» [Маннуров, 1974: 12]. Ситуация характерна не только для труднодоступного Заболотья (где это произошло), но и для многих других регионов Сибири, где в послереволюционное десятилетие столкнулось несколько десятков тенденций, породив не одну сотню вопросов, ответы на которые необходимо отыскать в предшествующие столетия.

Проблема отношения принявших ислам сибиряков к догматике и ритуалам во многом зависела от особенностей бытования этой религии: вдали от признанных центров Поволжья и Средней Азии (но вблизи от оставшихся «язычниками» угров и самодийцев), природных условий (когда затруднено совершение намаза при короткой ночи в приполярных условиях) и т. д.

С вхождением Сибири оформилось Российское государство, расположенное в Европе и Азии, где выявился альянс интересов пришлого и коренного населения. О влиянии же ислама говорят топонимы и имена, упоминаемые в ясачных книгах XVII в., заложенные и модернизированные адатные традиции, включение пришедших извне принципов.

Более значительная масса тюркского, угорского и самодийского населения осталась приверженной верованиям предков. Иные особенности привнесли неопиты. Так, первыми приняли христианство некоторые Кучумовичи, местные князьки и мурзы. В иных селениях с их помощью уничтожались мечети и сачара, но астана (иногда подтверждая границы владений) запрещалось повреждать — это было принято как норма.

Включение местных мусульман в российское правовое поле проходило в общем тренде отношения к «иноверцам», где ислам до 1552 г. «религия иностранцев», а в 1552–1778 гг. «чуждая и враждебная религия инородцев». Одновременно заметим: в грамоте митрополиту Павлу (1685 г.) уже предписывалась осторожность при обращении в православие. Если же новокрещёные оказались в зависимости у татар или бухарцев, то их требовали освободить. Стоит признать, что акт крещения не означал одновременного отказа от прежних образов «своего», а исламская культура много шире религиозного контекста (хотя и подпитывалась им).

Исходя из своего правового положения в государстве Русская православная церковь активизировала крещение, в том числе насильственное. Конфронтацию, заметим, усиливали все участники событий: насильно обращая в православие, митрополит Филофей одновременно фиксировал: мусульмане «...подъезжают к новокрещёным и, смущая, велят именем своего начальника Сабанака церкви жечь, попов и причетников до смерти побивать и кресты побросать». Следствием стали жалобы, и во многом правомерные, да и нравственно не оправдываемые. Так, указом Сибирской губернской канцелярии от 1 мая 1763 г. обещано освободить от наказания ясачного татарина Темирова, если он примет крещение, за убийство сородича.

Впрочем, бывали случаи, когда суды становились на сторону мусульман. Так, когда в 1720-х гг. стали вводить юридическое оформление поземельного права, то принималась во внимания сачара (рукопись о родословии), подтверждающая право «иноверцев» на родовую территорию.

Между тем у сибирских мусульман сложилась симбиозная система, о чём сообщал И. Н. Юшков, приведя конкретные примеры из судопроизводства сибирских татар и бухарцев. В заключение он написал: «Мы указали на главнейшие положения общественной жизни татар, занятые ими большею частью из преданий первых истолкователей Корана. Некоторые из этих положений, как, например, о браках, супружеских распрях, о взаимных договорах и о правах наследства, сохраняются сибирскими татарами и до настоящего времени» [Юшков, 2004].

Исламское право, будучи прецедентным, дистанцировалось от норм, характерных для других регионов, но не противоречило общей логике и догматике религии. Эти принципы действовали как на уровне богословия (пять «корней» веры — усул ад-дин), так и в социальной практике (пять «столпов», или предписаний ислама, обязанности — аркан ал-ислам, ал-фара'ид), которые внедряли в сознание масс пришлые бухарцы, занимавшие заметное положение в умме.

Процесс «суверенизации» сибирского варианта исповедания связан с появлением собственных кадров. Рождённые в местных условиях произведения литературы догматического и общекультурного содержания свидетельствуют, что термин «край света» для живущих здесь неприемлем. Они чувствовали себя «полноценными мусульманами», хотя хадж затруднён, а вакуф долгое время здесь был неизвестен. Выполняя свою функцию, исламское право развивалось не благодаря государственной власти, а в частном порядке — алимами, занятыми возвращением знатоков шариата, как правило, в мектебе (до 1880-х гг. в Российской империи все назывались медресе / мадраса).

В основном общины действовали в сельской местности среди тюрков, постепенно консолидированных в сибирских татар, упоминаемых в источниках с 1720-х гг. Бухарцы и ташкентцы предпочитали жить отдельными селениями, или слободами, по большей части занимаясь торговлей, ремеслом, скотоводством и, по особому разрешению, земледелием. Именно они сыграли значительную роль в укреплении позиций ислама в регионе. Процесс оседания и сопутствующего ему принятия ислама тюрками продолжился, хотя царская власть и препятствовала этому. Но это явление было обусловлено внешними факторами, среди которых важное место заняли утверждающиеся ценности ислама и миграция.

Политическое продвижение Российской империи на юг увеличивало удельный вес мусульман в населении страны. В 1740-е гг. в состав России вошёл Средний жуз. Это укрепило отношения сибиряков с соседями, чьи обычаи были схожи.

Номады (трансляторы информации между оседлыми народами) для торгово-обменных операций прикочевывали к крепостям и поселениям, оседаая, увеличивали умму. Среди торговых людей, записанных, например, в журнале Железинского менового двора, кроме купцов, отмечены и отставные служилые татары, осевшие там. Власть использовала их для внешнеполитических контактов там, где религиозная принадлежность оказывалась важной.

Проводились миссионерские экспедиции, принимались законы, стимулирующие переход в христианство, ограничивающие права мусульман. Это приводило к волнениям и «башкирским» восстаниям.

Система взаимоотношений государства и верующих прошла эволюцию — от гарантирования прав до юридического признания и сотрудничества с религиозными институтами. Их со временем поставили на службу Российскому государству: с 1778 г. ислам стал «терпимой» религией. Тогда же были введены институты, не предусмотренные канонами — Оренбургское духовное собрание мусульман и указных мулл, встроенных во взаимоотношения местных органов власти и общин.

Удалённость духовного собрания (чьи позиции зачастую были идеализированы и далеки от реальности) привела к тому, что местные власти на имперской окраине нарушали некоторые правила в отношении мусульман. Проведённая в 1819–1821 гг. ревизия вскрыла в Сибири буйный разгул чиновничьего и полицейского самовластия и деспотизма (сама система подталкивала к взяткам и самодурству, так как до 1764 г. чиновники вообще не получали жалования). Это подвигло сначала бывшего сибирского генерал-губернатора М. М. Сперанского, а затем и петербургскую власть к разработке Уставов 1822 г., один из которых посвящен вопросам управления: создавались инородческие волости, во главе которых было поставлено выборное лицо из мусульман. Это позволяло перевести некоторые дела на уровень волостных старшин, вершивших правосудие с учётом адата и норм шариата (если это устраивало всех участников процесса).

Власть мало обращала внимание на соблюдение правовых норм внутри уммы, члены которой иногда страдали от произвола нравственно нечистоплотных казыев (знатоков исламского права), улемов (богословов), имамов. Так, Махди бен Сайдек, обвинённый во взятке, ушел в отставку с поста мухтасиба (главы местного духовного управления), но самовольно вернулся, чтобы жениться на приглянувшихся женщинах. Он

якобы специально разводил их с мужьями, обвинив последних в неверии; присваивал семейное имущество.

При разборе конкретных обстоятельств применялось положение закона 1826 г. [Полное собрание., 1830]. Законы о состояниях отразились в правилах ведения метрических книг для мусульман.

В иных случаях в дело вступал совестный суд. Например, в 1852 г. между имамами Семипалатинска Ф. Мухаммедьяровым и З. Абдулменевым разгорелся спор о вмешательстве в дела общин. Оренбургское магометанское духовное собрание (ОМДС) и губернское начальство не владели точной информацией, и только на собрании почётных граждан и старейшин двух общин было принято решение тяжбу прекратить. С этим согласились и власти.

В то время уже стало возможным разделить в реальном пространстве азиатской части страны рациональное и иррациональное неверие, теоретический и практический (стихийный) атеизм. Центральная власть 9 декабря 1835 г. прописала, что в любой соборной мечети должны быть хатыб, имам и муэдзин, а в пятидневной — имам и муэдзин. Но числом прихожан, наличием такого количества служителей культа в Северной Азии немногие соответствовали правилу.

Поиск компромисса между субъектами права сложен: сибирские власти, по мнению П. П. Семёнова-Тян-Шанского, «...делали очень крупную ошибку, прививая усиленно и искусственно мусульманство к не вполне утратившими свои древние шаманские верования и ещё мало проникнутым учениям Магомета киргизам и снабжая их султанов и их аулы татарскими муллами из Казани». Заблуждался в оценках и Ч. Ч. Валиханов — внук прорусски ориентированного хана Аблая. Он с детства был знаком с догматикой ислама, так как закончил мектебе. Во время учёбы в кадетском корпусе в Омске и при общении с российскими интеллектуалами Ч. Ч. Валиханов проникся идеями областничества.

Параметры интеграции в сибирском пространстве определялись средой и законодательством, но оно ограничило нормы применения адата и шариата. Власть и православная церковь по-прежнему желали обратить в христианство (но добровольно) мусульман и «язычников». Была создана, например, Алтайская православная духовная миссия. И чем крупнее становилось казахское сообщество на Алтае, тем сильнее велась христианизация, в правовом отношении ничем не ограниченная.

Многое зависело от личности. Лидерами уммы являлись имамы и купцы (часто консолидированно), где первые обладали авторитетом и знаниями, а вторые — финансами. Такими были Сейдуковы в юртах Ембаевских, С. Махмутов в Новониколаевске. Благотворители по собственному желанию осуществляли культурные проекты, создавая, например, библиотеки. Впрочем, остались конфронтационно настроенные люди — как к власти, так и к единоверцам — сторонникам модернизации.

Долгое время задачей приходило оставаться аккумуляция средств для проектов в области образования, просвещения, здравоохранения. Но основной целью считалось устройство мечетей, на что власти шли неохотно. Между решениями о выделении земли до закладки первого камня проходили годы, однако в начале XX в. каменные соборные мечети появились в Тюмени, Тобольске и других городах.

А. Г. Ибрагимов, признанный религиозным и общественным лидером на российском и международном уровне, в 1898 и 1902 гг. получил право на избрание гласным в городскую думу города Тары [Ярков, 2017: 65]. Насколько возможно он отстаивал интересы своих избирателей, но некоторые проблемы оказались гораздо крупнее местных масштабов и сложнее из-за политических ограничений.

«Разрыв» правовой и культурной традиций попытались преодолеть в 1905–1906 гг., а советская власть лишь завершила его, отделив религиозные институты от государственных. В декабре 1917 г. Совет Народных Комиссаров обратился с воззванием «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», где провозгласил: «Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными».

Отмена сословий и титулов, отделение религии от государства и школы от религии, объявленное гендерное равенство носили общедемократический характер. Так, декрет о гражданском браке, о детях и ведении актов состояния от 19 декабря 1917 г. признал недействительными религиозные браки, фактически выведя из правовых норм многоженство для мусульман. Но оно реально оставалось среди тех, кто придерживался этой нормы до революции.

Принятые декреты в азиатской части страны фактически не реализовались, а то и вообще оказались неизвестными из-за Гражданской войны и отсутствия связей с Москвой, где новые принципы юридических отношений, как и место религии в жизни общества, определены Конституцией.

Но и пришедшее к власти в Омске Российское правительство А. В. Колчака не смогло ничего изменить. А в отзыве на проект о национально-культурной автономии главы ведомства исповеданий в 1919 г. П. А. Прокошев написал: «... национально-культурная автономия ... есть наиболее последовательное с точки зрения правового государства разрешение национального вопроса», но её мусульманский вариант представляет «юридическую несообразность и несоответствие своему названию», «противоречит не только основным признакам культурно-национальной автономии, но и автономии территориальной, так как предполагает управление мусульман как нечто совершенно независимое от центральной государственной власти» [Нам, 2009: 302].

Особый вопрос — о неправомерности призыва к джихаду, которым попытались воспользоваться в борьбе с большевиками имамы, поддерживавшие Всероссийское правительство А. В. Колчака. На неправомерность этого призыва указал улем и одновременно политический деятель из Томска Н. М. Карпов, подчеркнув: «Возбуждать в мусульманском населении движение в пользу объявления священной войны опасно, ибо может привести к весьма печальным результатам, имея в виду, что мусульманское население очень религиозно и фанатично». Тезис о фанатичности по отношению ко всем мусульманам Сибири спорен, поскольку они больше отличались индифферентностью, хотя, безусловно, о джихаде местная умма имела представление.

После восстановления в Сибири советской власти ислам (его институты) стал «временным союзником» большевиков в деле противостояния более «опасной» тогда противнице — православной церкви. В ряде мест властью сохранялись даже шариатские суды и вакуфы, признавались браки, заключённые «во времена правления белых».

Но декрет о гражданском браке, о детях и о ведении актов состояния (от 19.12.1917) признал недействительными религиозные браки, фактически выведя из правовых норм многоженство. О том, что оно реально оставалось среди тех, кто придерживался его до революции, поведал описанный в начале статьи случай. Для коммуниста Айтбаева правовой вопрос усложнялся нравственными муками — наличием детей от обеих жен.

Причины участия мусульман в Западно-Сибирском восстании 1921 г. власти объясняли их невежеством, политической несознательностью, а иногда прямой правовой, имущественной, духовной зависимостью от элиты. Между тем явная или скрытая борьба против власти оказалась частью общего (а не этнически или конфессионально избирательного) сопротивления диктатуре.

Партия большевиков и органы советской власти, напуганные волнениями, затем стали вести более осторожную политику, создавая учреждения, ориентированные на мусульман по происхождению и убеждению, подчёркивая это даже через наименования местных коммунистических ячеек и властных структур: возникли «мусульманские» детсады, детдома, школы, клубы, техникумы. Несмотря на название, они уже не имели религиозного характера, оставаясь «вывеской».

На государственном уровне служители всех конфессий, а не только мусульмане, были лишены гражданских прав. Так, известно, что среди новосибирских «лишенцев» в конце 1920-х гг. мусульман — 1,7% [Историческая энциклопедия..., 2009: 291].

С 1929 г. ещё больше ужесточился контроль за соблюдением законодательства о религиозных культах, что привело к уменьшению числа приходов и закрытию мечетей и молитвенных домов. Нередко суды, вынося приговоры, руководствовались ст. 120 УК РСФСР, отнеся всех служителей культа к совершающим обманные действия — мошенникам. Безусловно, нечистоплотные служители культа существовали (что отражено в фольклоре сибирских мусульман), но основная масса — порядочные люди, которым доверяла не только прежняя — царская власть, но и общины, их выдвигавшие для занятия должности.

Конституция СССР 1936 г. формально продекларировала право на свободу совести. Оно должно было юридически защитить интересы всех верующих от возможных неправомерных покушений со стороны государства, его органов и должностных лиц. По сути это было вариантом веротерпимости — при условии проявляемой верующими и их духовными наставниками политической лояльности. И это давало надежды. Более того, вдохновлённый ими мулла М. Айнуллин утверждал: «...новая Конституция ... разрешает религии и можно открывать мечети и без страха, можно устраивать богослужения. Надо развернуть пропаганду по Корану» (цит. по: [Осавелюк, 2010: 16]). Надежды не оправдались, а за права мусульман «взялось» НКВД. Репрессии обрушили многие институты, как и отношение к ним со стороны властей. Институты ислама (общины, уже неформальные; муллы, уже преимущественно «бродячие»; книги (уже самостоятельно переписываемые) заново конструировались, но некоторые обстоятельства усложнялись. Например, из-за дальности общин от ДУМ ЕС (преемник ОМДС), призванного защищать интересы верующих, но реально не имеющих возможностей их даже наблюдать и проанализировать вблизи.

Великая Отечественная война изменила многие позиции власти по отношению к верующим. С 1943 г. ситуация с соблюдением Конституции стала существенно улучшаться, но ненадолго. С середины 1950-х гг. юридическая практика вновь характеризовалась усилением атеистической составной — в контексте объявленного лидерами государства «перехода к строительству коммунизма». Власти предприняли и попытку административного наступления на права верующих, закрывая недавно открытые мечети и молитвенные залы, ограничивая проведение ритуалов. Заметим, при этом власти «закрывали глаза» на очевидное: проведение сунната и наречение мусульманскими именами, похороны с соблюдением обрядов даже тех, кто был при жизни активным коммунистом.

Фактически население и без служителей культа и вне мечетей удовлетворяло духовные потребности, придерживаясь обрядности в связи с рождением детей, свадьбами, похоронами, поддерживая традиции адатного ислама, а кладбища и астана (хотя богослужения под открытым небом законодательно запрещали) оставались сакральными центрами, где не надо скрывать принадлежность к исламу.

Изменение структуры уммы связано с активизацией с 1960-х гг. миграционных процессов, когда освоение природных ископаемых, создание новых промышленных и аграрных комплексов перераспределяло трудовые ресурсы через плановую или инициативную миграцию, изменив соотношения этносов, горожан и сельчан, активизировав интеграционные и ассимиляционные процессы, нередко приводя к утрате самобытности. Тогда и обострились проблемы соотношения традиций: не всеми мусульманами отмечаемый день рождения пророка Мухаммада у коренных сибиряков приобрел ещё более широкое значение, оставив след в культуре, в том числе в обозначении угощения с чтением Корана в честь этого дня: «Мәүлид бәйрәме хөрмәтенә уздырыла торган дини мәжлес».

Лишь в 1970-е гг. органы власти и КПСС вынуждено уступили общемировым нормам, но хотели по-прежнему регулировать сферы жизни. Принятый в 1990 г. закон «О свободе совести и религиозных организаций» вернул право на исповедание религии, но не предусмотрел ограничения на деятельность организаций и групп, использовавших ситуацию в политических целях.

Самоидентификация мусульман определялась политическими событиями и личным «ответом» (рефлексией) на них; состоянием и устремлениям общества («закрытом» — традиционным или «открытым»); этнокультурным окружением; местом проявления идентичности (место работы или учёбы, мечеть, национально-культурные объединения и их мероприятия); межэтническими браками и межпоколенным разрывом; уровнем толерантности в социуме и СМИ. К тому же на рубеже 1980–1990-х гг. наступил период открытой легализации (реставрации) этнических и религиозных ценностей, которые иногда воспринимались (и воспринимаются) синонимично.

Упразднение ограничений в правах вызвало сложные процессы. Так, с одной стороны, стремление к обретению духовной и социальной стабильности привело атеистов к религии предков (в том числе к исламу) либо в новые конфессии. С другой стороны, число зарегистрированных госорганами общин или групп верующих стремительно росло. Часть из них появилась в ходе миграции (вынужденной, внешней, внешней трудовой, незаконной и внутренней) людей, воспитанных на «мусульманских» терри-

ториях: а) из соседних регионов; б) из бывших союзных республик; в) из других субъектов РФ. В результате начали формироваться крупные группы мигрантов, меняя культурный ландшафт и самооценку, особенно у молодых людей, не имеющих советского прошлого. Они уже не были частью большой страны, а стали элементами диаспор.

Понятия «традиционный ислам» (т.е. традиционное для многих российских мусульман понимание ислама) и «ваххабизм» вошли в оборот у верующих, хотя их не всегда верно классифицировали, тем самым ещё более (нежели в административном плане) раскалывая умму. Отсутствие диалога — одна из причин затяжного кризиса. Между тем основополагающий признак современного культурного пространства — именно диалог (через людей) светского государства и религиозных объединений.

Имелись различия в законодательстве отдельных сибирских субъектов РФ. Так, в 1996 г. Концепцией государственно-церковных отношений в Республике Бурятия закреплена система разделения религий на традиционные и нетрадиционные, среди которых там был назван ислам, признанный в целом по стране традиционной конфессией.

Некоторые из запрещаемых в России с 2003 г. организаций, движений и партий отечественного и зарубежного происхождения пытались и на территории сибирского региона отрицать сложившуюся правовую культуру, призывали к всеобщей исламизации, имели намерение изменить государственный строй.

Подводя итог, необходимо признать: традиции предков (а тем более в традиционном обществе) невозможно искоренить, но и родившиеся правовые коллизии нуждались в их разрешении. Сама же правовая культура мусульман Сибири зависела от дисперсности или компактности их проживания, характеристики воспроизводства общества на разных этапах, уровня правовых знаний и изменений в государственно-конфессиональных отношениях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 2. 808 с.
- Маннуров Ш. Ф. Агымсуларга карап. Казань, 1974. 24 б.
- Нам И. В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.). Томск, 2009. 500 с.
- Осавелюк А. М. Конституция дореволюционной России и этапы ее развития // Актуальные проблемы государствоведения. М., 2010. 230 с.
- Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Собр. 2. Т. 1. 540 с.
- [Юшков И. Н.] Сибирские татары // Тобольские губернские ведомости. Тюмень, 2004. 34 с.
- Ярков А. П. Права мусульман: правовое и неправовое регулирование (региональный аспект в историческом контексте) // Онтология и аксиология права. Омск, 2017. С. 63–67.

REFERENCES

- Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri* [Historical encyclopedia of Siberia]. Novosibirsk, 2009. T. 2. 808 s. (in Russian).
- Mannurov Sh. F. *Agymsularga karap* [Agymsularga although]. Kazan, 1974. 24 b. (Tatar).

Nam I. V. *Natsionalnyie menshinstva Sibiri i Dalnego Vostoka na istoricheskom perelome (1917–1922 gg.)* [National minorities of Siberia and the far East at a historic turning point (1917–1922)]. Tomsk, 2009. 500 s. (in Russian).

Osavelyuk A. M. *Konstitutsiya dorevolyutsionnoy Rossii i etapy ee razvitiya* [Constitution of pre-revolutionary Russia and the stages of its development]. Aktualnyie problemy gosudarstvovedeniya [Actual problems of state studies]. M., 2010. 230 s. (in Russian).

Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii [Full collection of laws of the Russian Empire]. SPb., 1830. Sobr. 2. T. 1. 540 s. (in Russian).

[Yushkov I. N.] *Sibirskie tataryi* [Siberian Tatars] *Tobolskie gubernskie vedomosti* [Tobolsk provincial statements]. Tyumen, 2004. 34 S. (in Russian).

Yarkov A. P. *Prava musulman: pravovoe i nepravovoe regulirovanie (regionalnyiy aspekt v istoricheskom kontekste)* [Law Muslims: legal and illegal regulation (regional aspect in a historical context)]. *Ontologiya i aksiologiya prava* [Ontology and axiology of law]. Omsk, 2017. S. 63–67 (in Russian).

Цитирование статьи:

Ярков А. П. «А куда их деть?»: о нравственно-правовых коллизиях в умме Сибири // Народы и религии Евразии. 2019. № 2 (19). С. 90–99.

Citation:

Yarkov A. P. “But where to put them?”: the moral and legal conflicts in the ummah of Siberia. *Nations and religions of Eurasia*. 2019. № 2 (19). P. 90–99.
